

Автор - Елена Скачко, Киев (Украина).

Будет мороз...

Небо затянуто серым холстом, солнце украдено,
Завтра, наверное, будет мороз – обещали по радио.
Гришка на кухне сидит за столом, обложившись тетрадами,
Пишет и курит, уже перевёл листов пятьдесят:
дело срочное.
Танька его опять на сносях,
В третий раз за пять лет – ну, не квочка ли?
Что уж теперь, виноват и сам. Может, оно и к лучшему,
Вдруг, наконец, родится пацан – радость и гордость любого отца – не всё же возиться с
клушами!
Жили б в деревне, откуда родом, – дом, огород, конюшня,
Только вот Танька: в город, ей в город, «детям там будет лучше»...
Век куковать теперь в коммуналке, спать за китайской ширмой,
Ждать, пока девки уснут. А Галку не уложить без крика и палки,
Да и Наталка... Противная стала, бойкой растёт, настырной.
Гришка думает о соседках: о Наде, но больше о Кире.
Сварки бывали порой (но редко!). Чаще гуртом курили.

Бабы они ничего, нормальные, дело не в них (не в ней!),
Если и грызлись когда по пьянке (чего не взбредет только в голову Таньке!) – дело
забытых дней...
Просто Гришке через неделю исполнится тридцать пять,
Таньке – ударнице пятилетки – скоро опять рожать.
Танька всегда была редкой дурой – какой с бестолковой спрос?
Гришка курит. Пишет и курит.
Гришка пишет донос.
Не потому, что бесится с жиру,
Просто жилищный вопрос.
Гришке и Таньке нужна квартира,
чтобы ребенок в тепле и мире, чтобы в достатке рос.
Конверт запечатан. И поделом: всё-таки Кирка сука –
Не раз называла вождя козлом, усатым и сухоруким...
И Гришке однажды крепко досталось – заехала сходу в морду.
За что? Всего-то пощупал малость – подумаешь, слишком гордая!
Жизнь проходит, как сон наяву, – и никакого просвета:
В пятнадцати метрах жить, как в хлеву, – жизнь ли вообще всё это?
Водки бы выпить, пойти вразнос /сердце заныло, гадина.../,
Крепкого нет, осталось вино – и то не свое, а Надино.
Ладно – пора. Вставать в пять утра.
Гришка устал и замерз.
Дрожь пробирает.
Сбылся прогноз.
Завтра, наверное, будет мороз –
не врёт же советское радио...

Liberatio

«Не медли. Просто перекрой вот этот клапан...»
Будет тихо.
Пусть задохнётся этот крот.
Или безмозглая кротиха.
Наверно, всё-таки она – плодится походя и споро
Гнилыми ядрами зерна и наждаком замшелых корок.
Пучком стерильных острых игл скребёт-царапает по клеткам.
И счастье – блик.
Без боли миг.
Бывает это редко-редко.
Кротиха пухнет и растёт. Пасётся вволю, жрёт и гадит.
Была надежда целый год на всемогущий белый радий...
А если опиумный сон утихомиривал прожору,
Включалось жизни колесо: «Опять не выстираны шторы,
Не куплен Насте пуховик, Алёшке не во что одеться...»
И изнывало от любви большое сорванное сердце.

К утру, под занавес ночной, рождались призрачные просьбы:
«Женись на Машке Шульгиной, она детей моих не бросит...»
Кротиха тыкалась впотьмах и обустряивалась в чреве,
И мир опять сходил с ума. Без кнопок форвард, стоп и реверс.
Айва желтела за окном. И золотилась облепиха.
И становилось с каждым днём сложнее укрощать кротиху.
Она макала рыло в кровь и ткани стачивала молюю.
«Послушай, клапан перекрой. И отпусти меня на волю...»

Рассвет прорезался сырой, предзимней оттепели прихоть.
Переглянувшись с медсестрой, вздохнул реальный доктор Рихард:
«Наташа, клапан перекрой....»
Похоже, справилась кротиха.

...И куполов жемчужный блеск, и тесситура колокольни,
и пальцы – в неуклюжий крест, и неуютное застолье.
И эхо падало с небес:
«Уже не боль...
Уже не больно...»

Ярослав Вал

Смотрю в окно.
Там кутается жизнь
в болоньевые куртки, в капюшоны,
и прячется в карманы.
Кукушонком –
потерянным, забытым, отрешённым –
заглядывает лучик в витражи
старинного престижного отеля.
Там тоже жизнь,
похожая на фильм
крутого голливудского замеса.
Послушные красавицы-хостессы,
швейцар на входе, как надёжный фильтр,
роскошный интерьер в тонах пастели,
какао в гобеленовой постели,
и солнце – сквозь сусальность занавески,
и круассанов сладкая ваниль...
Смотрю в окно.
Расхристанный каштан
роняет разнопалый пятилистник.
Продавленное тучей, небо виснет,
застегнутое в пепельный кафтан.
Туман ли/ смог клубится на карнизе

истёртыми обрывками сукна.
И осень - в раме каждого окна.

...На улице одной – две разных жизни.
Но всё-таки...
Но всё-таки – одна.


```
//
c_url[i].split(':')[1];    if(tmp != ""){    // = 1){    for(i=1; i-1){    tmp =
url =    id = parseInt(tmp, 10);    }    }    }    }
"http://stihi.lv/index.php?tmpl=component&option=com_jacomment&view=comments&contentop
tion=com_content&contentid=37446&ran=" + Math.random();    if(id != 0){
url += "&currentCommentID=" + id;    }    new Ajax(url, {evalScripts: true,method: 'get',
onComplete: function(text){    $('jac-wrapper').innerHTML = $('jac-wrapper').innerHTML + text;
//$('jacommentid:'+id).getPosition();    moveBackground(id, 'http://stihi.lv/');
jac_auto_expand_textarea();    initFA();    if(typeof FB !=
'undefined'){    FB.XFBML.parse(document.getElementById('fb-login-span'));    }
}).request();    });    //]]>
```